

Ярцев Рустэм Альбертович

ПРОТИВОРЕЧИЯ И НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

В статье оспариваются возражения, выдвинутые П. Фейерабендом против принципа непротиворечивости научного знания как обязательной нормы науки. Уточняется значение этого принципа для научного познания, состоящее в том, что выявление противоречий должно служить, в первую очередь, не победе над оппонентами, как утверждает автор "эпистемологического анархизма", а получению более глубоких и обоснованных знаний. Показывается, что действие данного принципа не может быть опровергнуто существованием "неклассических" логик.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 229-233. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Адорно В.-Т.** Эстетическая теория / пер. с нем. А. В. Дранова. М.: Республика, 2001. 527 с.
2. **Ван Гог В.** Письма: в 2-х ч. / пер. Н. М. Щекотова. М. - Л.: ACADEMIA, 1935. Ч. 1. 434 с.
3. **Вёльфлин Г.** Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. М.: В. Шевчук, 2009. 344 с.
4. **Волков Н. Н.** Цвет в живописи. М.: Искусство, 1965. 215 с.
5. **Жильсон Э.** Живопись и реальность / пер. с франц. Н. Б. Маньковской. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 368 с.
6. **Иттен И.** Искусство цвета / пер. с нем. Л. Монаховой. Изд-е 6-е. М.: Изд. Д. Аронов, 2010. 96 с.
7. **Камю А.** Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / пер. А. М. Руткевича // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 222-318.
8. **Кандинский В.** О духовном в искусстве // Мастера искусства об искусстве: в 7-ми т. М.: Искусство, 1969. Т. 5. Кн. 2. С. 116-127.
9. **Крючкова В. А.** Мимесис в эпоху абстракции: образы реальности в искусстве второй парижской школы. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 472 с.
10. **Матисс А.** Статьи об искусстве. Письма. Переписка. Записи бесед. Суждения современников / сост. Е. Б. Георгиевская. М.: Искусство, 1993. 416 с.
11. **Мерло-Понти М.** Око и дух / пер. с фр. А. В. Густыря. М.: Искусство, 1992. 63 с.
12. **Обрист Х.-У.** Пьер Сулаж: оттенки черного // Искусство. 2010. № 5-6. С. 44-47.
13. **Полевой В. М.** Двадцатый век. Изобразительное искусство и архитектура стран и народов мира. М.: Советский художник, 1989. 456 с.
14. **Сарабьянов Д. В., Автономова Н. Б.** Василий Кандинский. М.: Галарт, 1994. 174 с.
15. **Сартр Ж. П.** Экзистенциализм – это гуманизм / пер. А. А. Савина // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 319- 344.
16. **Синьяк П.** От Делакруа к неимпрессионизму // Мастера искусства об искусстве: в 7-ми т. М.: Искусство, 1969. Т. 5. Кн. 1. С. 204-214.
17. **Флюссер В.** За философию фотографии / пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 146 с.

COLOUR AS ELEMENT OF ART

Alla Ivanovna Yur'eva

Department of Social Sciences

Literary Institute named after A. M. Gor'kii in Moscow

alla_ur@list.ru

The author considers colour as the element of painting art, where the optical, emotional and spiritual manifestations of colour are interrelated. The birth of impressionist colour system influenced the further development of painting. From that moment the period of searching new colour capabilities and solutions in art begins. Neo-impressionists, fauvists, Tachisme artists embody colour expressive capabilities in their own way.

Key words and phrases: painting; impressionism; colour solutions; Tachisme; abstraction.

УДК 001.8

Философские науки

В статье оспариваются возражения, выдвинутые П. Фейерабендом против принципа непротиворечивости научного знания как обязательной нормы науки. Уточняется значение этого принципа для научного познания, состоящее в том, что выявление противоречий должно служить, в первую очередь, не победе над оппонентами, как утверждает автор «эпистемологического анархизма», а получению более глубоких и обоснованных знаний. Показывается, что действие данного принципа не может быть опровергнуто существованием «неклассических» логик.

Ключевые слова и фразы: рациональность; познание; наука; проблема; истина; вера; исследование; решение; метод; закон противоречия; аргумент; дискуссия.

Рустэм Альбертович Ярцев, к. техн. н., доцент

Кафедра автоматизированных систем управления

Уфимский государственный авиационный технический университет

rust-66@yandex.ru

ПРОТИВОРЕЧИЯ И НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ©

К числу основных норм научного познания, обязательность применения которых пытается оспорить автор концепции «эпистемологического анархизма» П. Фейерабенд [5], относится требование непротиворечивости

получаемых научных знаний. При этом противоречивыми знаниями, на наш взгляд, следует считать такие знания, в истинность которых нельзя верить одновременно: либо субъекту познания сразу ясно, что вера в одну из истин влечет за собой неверие в другие (явное противоречие), либо он приходит к этому выводу опосредованно, через веру в истинность логических рассуждений (неявное противоречие). Знание, являющееся обобщением противоречивых знаний, внутренне противоречиво: в его полную истинность также невозможно верить, если вскрыты и уяснены соответствующие противоречия.

Принцип непротиворечивости излагается обычно в виде закона противоречия или закона исключения противоречий классической логики: «два противоречащих друг другу утверждения не могут быть истинными одновременно» [3, с. 521]. Традиционно этому принципу придается огромное значение для научного познания, связанное с усовершенствованием научных теорий [2]. Однако П. Фейерабенд считает, что традиция выявления противоречий в научной среде представляет собой «рефлекторную реакцию», неосознанное следование догматической установке, истинность которой может быть оспорена. Так, защищаясь [5] от критики за противоречивость, он пишет:

«Противоречий в моей книге гораздо меньше, чем считают критики... [они] приписывают мне предположения, которых сам я не *принимаю*, а только *использую* в своей полемике с рационалистами... что плохого в противоречиях? Верно, конечно, что существуют некоторые простые логические системы, в которых из противоречия следует любое утверждение, однако имеются и другие системы, например определенные области науки, у которых нет этого свойства. Кроме того, существуют системы логики, например логика Гегеля, в которых противоречия функционируют в качестве принципов концептуального развития. По-видимому, мои критики ничего этого не знают. Поэтому обвинения в противоречивости не опираются на аргументы. Это просто рефлекторная реакция, не имеющая интеллектуального содержания» [4, с. 271].

Сказанное согласуется с аргументами, выдвинутыми ранее:

«Не существует такого единственного предмета – Логики... Существует Гегель, существует Брауэр, существуют представители формализма... научные высказывания, которые нарушают даже простые логические правила. Например, существуют утверждения, которые играют важную роль в установившихся научных дисциплинах и которые эмпирически адекватны только в том случае, если они самопротиворечивы: попробуйте зафиксировать движущуюся структуру, которая начала останавливаться, и вы увидите, что она движется в противоположном направлении, не изменяя своего положения. Единственным феноменологически адекватным описанием будет следующее: “Она движется в пространстве, но не изменяет своего местоположения”, а это описание самопротиворечиво. Можно привести примеры из геометрии: замкнутая фигура (которая не обязательно кажется одной и той же разным лицам) выглядит как равнобедренный треугольник, основание которого не делится пополам перпендикуляром, проведенным из вершины... В каждой науке существуют теории, которые несовместимы и с фактами, и с другими теориями и которые при более тщательном анализе обнаруживают внутренние противоречия. Только догматическая вера в принципы якобы единой дисциплины Логики не позволяет нам этого заметить» [5, с. 264].

В наших предыдущих работах [7] было показано, что научное знание является ответом на некоторый исследуемый вопрос. Если оно противоречиво, то ответ отличается неопределенностью, т.е. содержит в себе новый вопрос или проблему. Ясно, что при прочих равных условиях ценность определенного ответа на вопрос существенно выше, поэтому непротиворечивое знание и обладает значительно большей ценностью. Пусть, например, на вопрос «как нам попасть в пункт N?» нам ответили: «идите на север и на юг». Несмотря на то, что данный ответ обладает некоторой определенностью, поскольку исключает из рассмотрения иные направления, и ценность его не равна нулю, поставленной проблемы он не решает, т.к. остается неясным, куда именно нам следует двигаться.

Таким образом, наличие противоречий в научном знании означает, что полная истина еще не достигнута и есть проблемы, которые нужно решать в дальнейшем. Следовательно, «плохим» противоречие является только для уже имеющегося знания, поскольку указывает на его ограниченность, но в то же время противоречие является ключом для получения нового знания, и в этом смысле его роль позитивна. Последнее означает, что в интересах достижения истины необходимо вскрывать противоречия, имеющиеся в научных трудах.

В том случае, когда противоречия обнаруживаются оппонентами, это свидетельствует о недостатках исследования. Однако их обнаружение может вредить научному авторитету исследователя только тогда, когда противоречия носят явный характер (например, если выводы двух глав работы противоречат друг другу и автор это никак не комментирует). Если же противоречия вскрываются как неявные путем нетривиальных рассуждений, особенно с привлечением новых, не известных автору положений, то сколько-нибудь серьезные претензии к последнему представляются неуместными. Ведь никакое количество проверок и положительных рецензий не гарантирует того, что исследование свободно от противоречий, которые могут обнаружиться буквально завтра, и добросовестный исследователь не должен страдать за то, что его интеллект не превосходит возможностей сообщества. И уж совсем нечего предъявлять исследователю за противоречия, которые он сам обозначил как проблему: ценность «постановочных» работ в науке неоспорима, хотя они и не обеспечивают непосредственный прирост научного знания.

Сказанное выше о противоречиях вытекает из простых соображений познавательного здравого смысла человека [6], которые, по-видимому, и лежат в основе закона противоречия. Однако классическая логика, действительно, не единственная из известных логических систем. Какое же отношение эти нетрадиционные

логики имеют к научному познанию, и не оспаривает ли их существование нормативное применение принципа непротиворечивости в науке? Ответ на этот вопрос начнем с выяснения значения логики Г. Гегеля.

Думается, что исследователи сходятся в главном – что эта логика неадекватна «формальной логике», прежде всего используемой в науке, т.е. не соответствует данному виду познания и не может без изменений или дополнений составить основу его методологии. Так, если объективная истина, по Г. Гегелю, содержит противоречие между тезисом и антитезисом как причину будущего развития, то ни одну конкретную научную истину нельзя считать объективной: такая «объективная истина» потеряет ценность ответа на поставленный вопрос и станет нерешенной проблемой. Без признания же конкретных истин «объективными» теория познания Г. Гегеля, как и во многом «адекватная» ей марксистская теория, становится бесполезной для науки [9].

Из сказанного, конечно, не следует, что логика Г. Гегеля вообще бесполезна: вероятно, в сфере ненаучного познания прогресс может быть адекватно описан именно диалектической схемой. К. Р. Поппер также подчеркивал, что диалектика неопровержима из-за того, что мирится с противоречиями [3, с. 539], но по той же причине она несовместима «со всякой научной активностью», поскольку «из пары противоречащих высказываний можно с полным правом вывести все что угодно» [Там же, с. 523].

Если же понимать под противоречием что-либо иное, отличное от классической логики, то можно предположить, что логика Г. Гегеля применима и в научном познании. Однако в данном случае становится справедливой другая сторона критики К. Р. Поппера, заключающаяся в том, что диалектика «туманна» [Там же, с. 531]: если даже сами диалектики не в состоянии доступно объяснить заложенный в ней авторский смысл, то и вся диалектика становится для нас «вещью в себе», которую нельзя использовать в научном познании.

Единой Логикой не существует и в математике, где разрабатываются и используются логические системы, противоречащие тем или иным положениям классической логики. Например, многозначные системы – такие, как трехзначные логики интуиционистской (восходящей к работам Л. Брауэра и А. Гейтинга), а также конструктивной математики – отрицают закон «исключенного третьего», позволяя описывать ситуации с неоднозначным решением. Также «в последние десятилетия начали разрабатываться различные варианты паранепротиворечивой логики... она иначе трактует противоречие, чем классическая логика. Исключается, в частности, возможность выводить из противоречий любые утверждения. Доказуемость в теории противоречия перестает быть смертельно опасной угрозой, нависшей над ней. Этим не устраняется, конечно, принципиальная необходимость избавляться от противоречий в процессе дальнейшего развития теории» [1, с. 61].

Иначе говоря, разработка паранепротиворечивых логик направлена на отрицание не самого закона противоречия как нормы научного знания, а лишь использования этого закона для демаркации или отбора разрабатываемых научных теорий. Проблема такой демаркации уже обсуждалась нами [8]. Здесь же отметим, что в неклассических логиках, судя по имеющимся данным, не нарушается классический закон противоречия применительно к конкретным объектам. Например, в конструктивной математике объект не может одновременно быть и не быть потенциально осуществимым. Таким образом, существование этих логик не опровергает принцип непротиворечивости науки как «принципиальную необходимость избавляться от противоречий» [1, с. 61].

Верно также, что существуют «правомерные научные высказывания», которые «эмпирически адекватны лишь в том случае, если они самопротиворечивы» [5, с. 264]. Остается добавить, что, согласно сказанному выше, они представляют собой проблемы, которые в науке должны быть непременно устранены – в отличие, например, от искусства, где подобные суждения не вызывают возражений. Рассмотрим примеры П. Фейерабенда. Так, специалист по психологии, столкнувшись с описанием «движущейся и не изменяющей положения структуры», скорее всего, сразу же поймет, что речь идет о двух различных психических состояниях наблюдателя, незаметно для последнего сменяющих друг друга и по этой причине для него неразличимых: в одном состоянии внимание фиксируется на останавливаемой структуре, а в другом – на изменении ее прошлого положения относительно теперешнего. При такой интерпретации кажущееся противоречие, разумеется, исчезает. Еще проще разрешается противоречие с треугольником, точнее, с двумя треугольниками, соответствующими приведенному изображению, к которым следует относить противоречивые части высказывания: первый из них – *реальный* треугольник, основание которого делится пополам перпендикуляром из вершины, второй же – *кажущийся*, у которого это свойство отсутствует [Там же].

Конечно, не все противоречия представляются разрешимыми для человеческого познания, и особенно много их можно найти в философии. Однако это не отменяет существования соответствующих проблем. По поводу же противоречивых теорий отметим, что они, разумеется, существуют, но не могут претендовать на истинность без доработки. Для научного познания они важны, прежде всего, как средство построения непротиворечивых теорий.

Рассмотрим теперь вопрос о месте противоречий в научной дискуссии. Понять, о чем идет речь, поможет следующая цитата: «...рецензенты не только не умеют читать, но они незнакомы с элементарным правилом аргументации, которое было известно уже тогда, когда Аристотель писал свою “Топику”»: аргумент не исповедь, а инструмент для поражения оппонента. Для достижения этой цели требуется следующее: (1) посылки, с которыми согласен оппонент; (2) цепочки рассуждений, ведущих от посылок к заключениям, которые (3) несовместимы с убеждениями оппонента. Ни (1), ни (2), ни (3) не требуют, чтобы автор также был согласен с посылками или образцами рассуждения. Тем не менее рецензенты постоянно

приписывают мне такое согласие, несмотря на то, что я стремлюсь помочь им своими явными заявлениями об обратном» [4, с. 264]. «Например, ни один из моих критиков не заметил, что я предлагаю анархизм как лекарство, а не в качестве собственной философии и говорю о периодах, когда рационализм является более предпочтительным» [Там же, с. 364].

Конечно, научная полемика может иметь важное значение для успеха за пределами познания в различных аспектах: моральном, административном, экономическом и др. Однако нас здесь интересует единственный вид успеха – достижение истины как главной цели науки, без которого научная полемика вырождается в пустые пререкания. Ведь если аргументация – это только «способ парализовать доверчивого оппонента» [5, с. 201], то лучшим средством достичь успеха в дискуссии является полное игнорирование всех аргументов. Когда этим средством в совершенстве овладевают все участники, дискуссия становится бесполезной даже из прагматических соображений.

В самом деле, научная критика не нужна «эпистемологическому анархисту» для пересмотра своих взглядов – ведь он знает, что его «лекарство» поможет оправдать любую, даже самую противоречивую теорию, и это способствует «достижению прогресса в любом смысле» [Там же, с. 47]. Все, что ему нужно – это «парализовать» оппонента для развлечения. Но может ли «анархист» достичь цели при помощи пропагандируемых им ненаучных средств – сказок, мифов и т.п.? Определенно, нет: скорее всего, ученые не станут его даже и слушать. Остается один выход – вести дискуссию *рационально*: «Его [анархиста] любимая шутка заключается в том, чтобы приводить в смущение рационалистов, изобретая убедительные обоснования неразумных доктрин» [Там же, с. 189]. Однако, принимая на себя роль участника рациональной дискуссии, «анархист» должен считаться с тем, что выдвигаемые им положения будут интерпретированы с точки зрения научного познания и использованы для выяснения истины. Так что теперь нужно спросить – а имеет ли научное значение тот факт, что участниками рациональной дискуссии могут быть как исследователи, которые «принимают» дискутируемые положения, так и те, которые только «используют» их для полемики?

Ответ мы получим, если выясним познавательное значение научной дискуссии. Во-первых, она необходима лишь тогда, когда у ее участников есть общие решаемые проблемы и некоторые решения этих проблем, причем проявлять интерес к проблемам должны все участники дискуссии, а предложить решения – хотя бы некоторые из них: без наличия того и другого обсуждать будет нечего и проведение дискуссии станет излишним.

Во-вторых, цель дискуссии состоит в том, чтобы на основании новой информации найти решение проблем, если его еще нет, или чтобы улучшить уже имеющееся решение, попытавшись либо обнаружить в нем ошибки и противоречия для последующего устранения, либо получить его дополнительное обоснование для повышения достоверности. Таким образом, научная дискуссия, как и каждый ее аргумент, является, прежде всего, не «дубиной для оппонента», а средством обеспечения прогресса в научном познании, т.е. получения более обоснованного, менее противоречивого, а также, возможно, и общего, интересубъективного знания всех участников.

В-третьих, цель дискуссии не будет достигнута, если все участники в ходе полемики утратят скептицизм в отношении собственных решений и откажутся их пересматривать под влиянием аргументации оппонентов или же вообще не проявят интереса к последней. В обоих случаях улучшить собственное решение не удастся, и значение дискуссии будет сведено на нет.

Итак, если дискуссия плодотворна, то хотя бы некоторые ее участники будут работать с одинаковыми базисными положениями: анализировать, делать выводы, сверять их между собой и приходиться к заключению об истинности некоторых утверждений. Пример «правила аргументации» это подтверждает – ведь чтобы «поразить» оппонента, нужно из того же базиса сделать противоположный вывод. Единственное различие по отношению к общему базису может касаться лишь истинности применяемых положений. П. Фейерабенд прав в том, что можно «принимать» базисные положения за истинное знание, а можно только «использовать», т.е. занять в этом вопросе неопределенную или даже отрицательную позицию. Посмотрим, имеет ли это различие значение для научного познания.

Уточним, прежде всего, понятие базисного положения: это такое положение, истинность которого исследователь принимает без обоснования (доказательства), причем неважно, использует ли он данное положение явным образом, включив его в набор некоторых аксиом, или же в качестве неявного знания. Очевидно, что без базисных положений ни одно научное исследование не обходится, так как бесконечное число обоснований не осуществимо. Отсюда следует, что даже если базисное положение обосновывается где-то за пределами рассматриваемого исследования, то оно все равно строится в конечном итоге на иррациональных посылах.

Таким образом, обоснование базисных положений (а значит, и любых других выводимых положений исследования) не является достаточным, чтобы рассматривать их в качестве абсолютных истин. А раз истина в научном познании относительна, то необходимо считаться с тем, что дальнейшее развитие науки может привести к противоположным выводам. Отсюда ясно, что человеческая вера в истину не является научным средством обоснования последней и не способствует прогрессу науки.

Аналогично неверие не является в науке инструментом опровержения и в то же время не препятствует научному познанию. Так, ученый может вывести заключения из некоторого базиса, не будучи с ним согласным, что может быть связано с решением прагматических задач или рецензированием чужих работ. «Научная честность» при этом не страдает: поскольку истинность любых положений в науке находится под

сомнением, исследователь отвечает не за факт их «использования», а за достоверность выведенных заключений. Относительный характер научного знания, на наш взгляд, как раз и означает, что оно может быть истинным лишь тогда, когда истинны все его предпосылки.

Следовательно, «чистота веры» исследователя в базисные положения не оказывает влияния на результат исследования. Но это и означает, что в научном познании исчезает разница между «принятием» и «использованием» данных положений, которая характерна для ненаучного познания. А раз так, то требование непротиворечивости должно действовать не только в отношении «принимаемых», но также и «используемых» знаний.

Сказанное подтверждает общий вывод о том, что скрытые противоречия – это недостаток любого научного исследования, поэтому при их обнаружении ответственность вместе с автором несут и все рецензенты, допустившие просмотр. Аналогично в случае с «анархизмом» – пусть он и подается не как собственная концепция, а как «лекарство», но любое обнаруженное в нем противоречие все равно будет снижать эффективность «лекарства» для научного познания, а заодно и привлекать к ответу «врача».

Однако, говоря о нормативной роли закона противоречия в науке, нельзя не согласиться с тем, что в рамках одного исследования можно обсуждать и предлагать противоречивые концепции, если это противоречие явно обозначено и так или иначе устранено. Например, делая обзор противоречивых решений одной проблемы, нужно позаботиться о том, чтобы они были отнесены к бытию различных авторов. Если же исследователем предлагается собственный набор противоречивых решений, то нужно оговорить взаимоисключающие условия их применения, иначе результат будет неприемлем для науки.

Таким образом, наличие противоречий в научном знании – это серьезный аргумент против его истинности, наполняющий доводы оппонентов весомым «интеллектуальным» содержанием. При этом не имеет значения, могут ли последние логически обосновать этот аргумент или, положившись на философию науки, действуют «рефлекторно»: главное, что с ним нельзя не считаться, если предполагается научный характер проводимой дискуссии.

Список литературы

1. **Ивин А. А.** Логика: учебное пособие. Изд-е 2-е. М.: Знание, 1998. 240 с.
2. **Непротиворечивость** [Электронный ресурс] // Словарь логики. URL: <http://lib.deport.ru/slovar/log> (дата обращения: 14.03.2011).
3. **Поппер К. Р.** Предположения и опровержения: рост научного знания / пер. с англ. М.: АСТ; Ермак, 2004. 638 с.
4. **Фейерабенд П.** Наука в свободном обществе / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2010. 378 с.
5. **Фейерабенд П.** Против метода: очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.
6. **Ярцев Р. А.** Может ли мировоззрение быть научным? // Философская мысль и философия языка в истории и современности: сборник научных статей. Уфа: Восточный университет, 2008. С. 224-233.
7. **Ярцев Р. А.** О научном и ненаучном познании // Вестник ЯГУ. 2010. № 2. С. 161-166.
8. **Ярцев Р. А.** О рациональном скептицизме // История науки и техники. 2012. № 4. Спецвыпуск № 1. С. 87-92.
9. **Ярцев Р. А.** Так что же «рожает» физика, или Философские дебаты о естествознании глазами непредвзятого исследователя // Вестник УГАТУ. Уфа, 2006. № 1. С. 14-35.

CONTROVERSY AND SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Rustem Al'bertovich Yartsev, Ph. D. in Technical Science, Associate Professor
Department of Automated Control Systems
Ufa State Aviation Technical University
rust-66@yandex.ru

The author disputes the objections raised by P. Feyerabend against the principle of scientific knowledge consistency as the compulsory norm of science, specifies the significance of this principle for scientific knowledge consisting in the fact that contradictions identification first and foremost should not be used for the victory over opponents as the author of “epistemological anarchism” affirms, but for the acquiring of more in-depth and substantiated knowledge, and shows that the effect of this principle cannot be refuted by the existence of “non-classical” logics.

Key words and phrases: rationality; knowledge; science; problem; truth; faith; research; decision; method; law of contradiction; argument; discussion.